

мышления о смерти. Пока тебя одолевают земные заботы, ты не поднимаешь глаз к вечному. Если ты сколько-нибудь веришь мне, ты сбросишь с себя эти заботы, которые тяготеют над душою как смертоносное бремя; и тебе будет нетрудно свергнуть их, лишь бы только ты сообразовался со своей натурою и предоставил ей, а не безумству толпы вести и направлять себя.

Франциск

Я готов, да будет так. Но мне уже давно хочется узнать, что же ты все-таки думаешь о честолюбии.

Августин

Зачем ты спрашиваешь меня о том, что ты сам можешь себе уяснить? Исследуй свое сердце, и ты увидишь, что среди других пороков честолюбие занимает не самое малое место.

Франциск

Значит, тщетно я по мере возможности избегал городов, презирал толпу и общественные дела, уединялся в лесах, скрывался в безмолвье полей, обнаруживал отвращение к суетным почестям: меня все еще обвиняют в честолюбии!

Августин

Вы, смертные, от многого отказываетесь не потому, что презираете вещь, а потому, что теряете надежду достигнуть желаемого; ибо надежда и желание взаимно подстрекают друг друга, так что когда одно холодеет, то и другое стынет, и когда одно разгорается, то закипает другое.

Франциск

Что же, скажи, мешает мне надеяться? Разве я до такой степени лишен способности к искусствам?

Августин

Я ничего не говорю о способности к искусствам, но, конечно, тебе недостает тех дарований, при помощи которых теперь главным образом достигают высоких степеней, – уменья лестью втираться к сильным мира сего, искусства обманывать, обещать, лгать, притворяться и скрывать, переносить всяческие обиды и поношения. Лишенных этих и подобных им дарований и зная, что тебе не удастся преодолеть твою натуру, ты перешел к другим занятиям; и в этом ты поступил предусмотрительно и разумно, ибо, как говорит Цицерон, "противиться природе – разве не то же, что по примеру гигантов бороться с богами"?

Франциск

Прочь высокие почести, если они достигаются этими средствами!

Августин

Хорошо сказано; но ты еще не вполне доказал мне свою невинность, так как ты не вправе утверждать, что не желал почестей, хотя тебя и пугает тягость их добывания, подобно тому како человеку, который, убоявшись трудностей пути, вернулся с полдороги, нельзя сказать, что он признал неинтересным видеть Рим. К тому же ты и не вернулся вспять, как ты уверил себя и силишься меня уверить. Не прячься напрасно; все твои мысли и все дела открыты предо мною, и твоя похвальба насчет бегства из городов и нежной любви к лесам не оправдание, а только перелицовка твоей вины. Ибо многие пути ведут к одной и той же цели, и верь мне, – хотя ты и покинул торную дорогу, протоптанную толпою, но ты стремишься по окольной тропинке к той же честолюбивой цели, которую ты, по твоим словам, презрел и к которой ведут тебя и твоя покойная жизнь, и уединение, и равнодушие к столь многим человеческим делам, и эти самые твои труды, до сих пор неизменно венчающиеся славой.

Франциск

Ты хочешь прижать меня к стене; я мог бы вернуться, но так как времени мало и его приходится делить на многое, то, если можно, перейдем к дальнейшему.

Августин

В таком случае следуй за вожатым. О чревоугодии у нас вовсе не будет речи, так как ты несколько не склонен к нему, разве только подчас выбьет тебя из колеи приятная пирушка в кругу друзей, враждебная умеренности. Но с этой стороны я не предвижу опасности, ибо, лишь только вырвавшись из городов, ты вернешься в привычную сельскую жизнь, все соблазны подобных наслаждений тотчас исчезнут, а вдали от них, как я заметил, ты живешь, признаюсь, так, что я радуюсь твоей воздержанности и умеренности, в которой не могут сравниться с тобою ни твои личные, ни наши общие друзья. Умолчу также о гневе, ибо хотя ты часто распяляешься им более, чем должно, но благодаря твоей врожденной доброте и мягкости ты обыкновенно тотчас смиряешь